

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

В ПИТЕР
ВЕРНУТСЯ
НЕ ВСЕ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж «На улице Ломоносова» (2011 г.) художника *Олега Ильдюкова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 В Питер вернутся не все / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Новые петербургские тайны)

ISBN 978-5-699-89434-5

Журналиста Диму Полуянова пригласили сыграть небольшую роль в фильме по мотивам его книги. Попав в киношную среду, даже Дима, многое повидавший в силу профессии, был удивлен свободой нравов и кипением страстей как на съемочной площадке, так и за ее пределами. Маститый режиссер Прокопенко крутил роман с исполнительницей главной роли Ольгой Волочковской, но в его номер захаживали и другие актрисы. А колоритный актер Никола Кряжин отчаянно ревновал Ольгу, легко променявшую его на более выгодную пассию... Убийство режиссера прямо в купе поезда, которым они возвращались со съемок в Питере, стало для всей группы настоящим шоком. Ведь убийца — один из них...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2016
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89434-5

Роман НЕ основан на реальных событиях. Всякое сходство персонажей и обстоятельств книги с существующими людьми и действительно случившимися происшествиями возможно лишь случайно.

ГЛАВА 1

Умению Полуянова впутываться в различные криминальные истории в журналистском сообществе завидовали. А как не завидовать? Сколько он в приключения ни вляпывался, столько же из них и счастливо выныривал — да еще притом, как правило, держал в зубах «гвоздь»: очередную забойную статью.

Вот и теперь: едва Дима переступил порог купе режиссера... Вернее, даже переступить он не стал, чтобы не уничтожать возможные улики, а только глянул из коридора... И мгновенно помимо воли в его мозгу вспыхнул заголовок к будущему сенсационному материалу:

ЗНАМЕНИТЫЙ КИНОРЕЖИССЕР УБИТ В «СЕВЕРНОМ ЭКСПРЕССЕ»

Наверное, у журналиста уже началась самая настоящая профессиональная деформация. Да-с, деформация, как это ни печально. В ответ на трагедию голова и сердце первым делом выдавали не

растерянность, не ошеломление и не горе, а — заголовок...

Что ж, обычное дело. Следователи со стажем трактуют все, что происходит с ними и вокруг них, сквозь призму Уголовного кодекса. Врачи при первом же знакомстве мысленно ставят потенциальному пациенту диагноз. Ну а журналисты частенько не только мыслят, но и живут под наркозом газетных штампов. И газетных порядков. Вот и Полуянов сейчас, несмотря на больную, гудящую голову, чудовищный недосып да и — что уж там лукавить! — общее потрясение, которое он испытал при виде распростертого на постели окровавленного тела режиссера, успел подумать не только о заголовке. Еще — о дедлайне¹ и о том, сколько ему дадут места на полосе и сколько у него будет времени для того, чтобы собрать материал и отписаться. Машинально глянул на часы (свои «Тиссо» он никогда и нигде не снимал, помимо ночей и вечеров, что проводил в родимом доме вместе с любимой девушкой Надей). Четверть третьего утра. Белая ночь только-только сменилась неверными, зыбкими сумерками. До прихода «Северного экспресса» на Ленинградский вокзал столицы оставалось шесть с небольшим часов. До подписания очередного номера «Молодежных вестей» — еще четырнадцать. Что ни говори — целая куча времени.

¹ Дед-лайн — крайний срок сдачи статьи.

За спиной Димы уже толпились взволнованные, потрясенные пассажиры «вагона повышенной комфортности». А откуда-то из коридора слышались всхлипы и причитания звезды будущего фильма — известной актрисы (и по совместительству, как водится, любовницы режиссера) Ольги Волочковской...

* * *

Впрочем, следует рассказать обо всем по порядку: почему журналист оказался в «Северном экспрессе» и с какой стати возвращался домой из Питера в вагоне суперлюкс в составе киногруппы сериала «Невозможно оторваться». Если быть точным, в условиях повышенной комфортности следовал далеко не весь коллектив, занятый съемками картины, а его *crème de crème*¹ — наиболее привилегированные члены экспедиции. Как выразился циничный режиссер Прокопенко: «А вся остальная шелупонь пусть едет плацкартой!»

Этот самый Прокопенко и обратился к Диме год назад с просьбой продать студии, где он трудился, право на экранизацию документального романа, некогда написанного журналистом. Полуянов за годы, прошедшие после первой публикации, столько наврал всем вокруг, будто права на его труд выкупил Голливуд, а к съемкам филь-

¹ Сливки (франц.).

ма (по его же сценарию!) вот-вот приступят то ли Лукас, то ли Верхувен, то ли Кэмерон, что даже позабыл, может ли кто-то вправду его произведение экранизировать.

Дима немедленно навел справки о кинорежиссере Прокопенко. Мастер оказался известен и плодовит. В свои пятьдесят с хвостиком он снял картин и сериалов больше, чем Феллини и Антониони, вместе взятые. Правда, ни одного из его фильмов журналист не видел и только о двух-трех что-то слышал. По всему выходило, что Владимир Дмитриевич Прокопенко не гений, а плодовитый ремесленник средней руки.

Впрочем, репортера данное обстоятельство скорее устраивало. Гениев у нас в стране хватает. Режиссеры рассказывают по ресторанам о своих будущих фильмах, что затмят ленты Тарковского и Годара. Журналисты в баре Домжура клянутся, что вот-вот запустят новый таблоид с миллионным тиражом. Конструкторы в таежном поселке собирают на коленке гоночные автоболиты... А качественно поменять колодки у серийной «Мазды» — некому. Равно как написать информешку в две тысячи знаков или снять простенький, но кассовый блокбастер...

Режиссер Прокопенко, судя по всему, звезд с неба не хватал — зато в его фильмах охотно снимались самые знаменитые актеры, а сериалы его выпечки транслировали главные российские телеканалы. Скорее всего, и этот фильм и снимут, и покажут.

Да и деньги Полуянову были нужны, особенно в тот момент (они, собственно, ему всегда были нужны — с его-то мажорскими повадками), и он уступил студии, от имени которой на него вышел Прокопенко, права на экранизацию. Пусть не за столь высокий гонорар, который, уж наверное, отвалили бы ему «Уорнер бразерс» или «Дрим Воркс», — но с родного российского кино хоть шерсти клок... Отчаянно поторговавшись и получив в итоге пятизначную сумму (в долларах, господа, конечно же, в долларах!), Дима возблагодарил бога за неожиданный подарок, подписал договор об уступке прав — и благополучно позабыл о кинопроекте.

Минул год — и вдруг на Димином горизонте вновь взошел Прокопенко. Режиссер позвонил и сообщил, что сценарий по полуяновской книжке давно написан, уже даже закончен подготовительный период, и теперь он приступает к съемкам восьмисерийной ленты «Невозможно оторваться». Больше того: он, Вадим Дмитриевич, приглашает его, Диму, самолично исполнить в сериале небольшую, но весьма эффектную роль, а для того проследовать вместе с киногруппой в Питер. В Северной Пальмире и ее окрестностях планировалось снимать большую часть природы.

Полуянов оказался столь неожиданным предложением ошарашен. Причем настолько, что чуть ли не впервые в жизни потерял лицо и залепетал, мол, он-де, во-первых, совсем не артист, а

во-вторых, завален газетной работой. В ответ режиссер разразился горячим (едва не горячечным!) монологом:

— Я только вас вижу в этой роли, Дмитрий Сергеевич! Это будет хит! Лучший дебют года!.. А какие условия для съемок!.. Питер! Белые ночи! Люкс в «Октябрьской»! Кругом — красавицы-артистки и прочий обслуживающий персонал!..

Журналист не смог устоять под прокопенковским напором — и в тот же вечер к нему на дом явился курьер с экземпляром сценария и договором на роль, который требовалось подписать немедленно.

Полуянов взялся читать сценарий — и отдал должное неведомому для него труженику киноцеха по имени Дмитрий Ребров. Экранизатор сохранил главные линии книжки, избавился от второстепенных, а также от случайных персонажей и перевел документальную полуяновскую прозу на язык диалога и действия. Если сравнивать книгу и сценарий, впечатление складывалось, будто вольную, свободную реку (Неву, например, вытекающую из Ладоги!) заковали в строгие гранитные берега: никаких финтифлюшек, извольте — каждая серия ровно сорок четыре страницы, ровно сорок четыре минуты хронометража, и ни секундой больше...

Понравилась Диме и его собственная роль. Небольшая, естественно (ведь он же непрофессионал), но действительно выигрышная.

Итак, испросив в газете отпуск за свой счет, особенно крепко полюбив на прощание свою гражданскую жену Надежду, Дима, исполненный честолюбивых планов и вдохновения, отбыл в Северную столицу...

* * *

Конечно, когда Полуянов в процессе работы познакомился с Прокопенко ближе, он понял, что тот пригласил журналиста сниматься не потому, что вдруг поверил в его (неизвестно откуда взявшийся) неземной актерский дар. Нет, Вадим Дмитриевич преследовал свои собственные цели, а именно: бурнокипящий режиссер полагал, что Полуянов не удержится и расскажет о своем киноопыте на страницах родной газеты. Да и интервью захочет взять — у режиссера, у главных звезд... Вот фильм и получит бесплатный пиар, причем уже на самой ранней стадии, когда съемки только-только начались.

Дима (хоть хитрый Прокопенко его ни о чем не просил) и впрямь собирался на страницах «Молодежных вестей» живописать свои приключения в роли актера. Рассказать было о чем. К примеру, как в первый день съемок разбили о штатив кинокамеры тарелку с названием картины. Осколки разобрали участники группы, и один из трофеев теперь бережно хранился в полуяновском чемодане (Дима предвкушал, как водрузит его на почетное место в рабочем кабинете

и станет водить к экспонату молодых репортерок и стажерок с журфака). Непременно нужно будет также поведать, как он, отказавшись от дублера, прыгал в холодный и грязный канал Грибоедова с Поцелуева моста... Немного стыдно перед Надеждой, но все равно следовало написать, как он целовался (а что поделаешь, таков сценарий!) на лавочке в Летнем саду со знаменитой Ольгой Волчковской...

Кое о чем, правда, журналист собирался в будущей заметке умолчать. Скажем, о том, что профессия актера на деле оказалась гораздо сложнее, чем он самонадеянно думал вначале. Дима даже что-то вроде зависти, жгучей ревности испытывал к настоящим, профессиональным артистам. Потому что явственно видел, с какой легкостью и быстротой его, так сказать, коллеги входили в образ и меняли состояние, лишь звучала на площадке команда «Мотор!»; как в одно мгновение на их глазах, если нужно, вскипали слезы; как они по воле сценария и режиссера вмиг становились гневливыми или же простодушными; как даже физически преображались перед камерой и, если было необходимо, старели или молодели на десяток лет без малейшей помощи гримера... И уж конечно, не упомянет журналист режиссерские указания главному оператору: «Полуянова снимаем только на общем и дальнем плане, ведь он непрофессионал, работать не умеет» (Прокопенко в те моменты думал, что Дима не слышит).

Кроме того, за кадром будущей статьи журналист намеревался оставить взаимоотношения, царившие внутри съемочной группы. А там бушевали страсти, едва ли не перекрывающие по накалу те, что описаны были в сценарии. Настоящая мыльная опера! Хватало и любви, и ревности, и зависти, и ненависти... О многих чужих, сокровенных тайнах узнал в ходе экспедиции Дима. О чем-то ему рассказывали сами участники событий (а молодой человек умел быть участливым слушателем, вызывающим на откровенность), что-то он, наблюдательный, подмечал своими глазами: и днем, во время съемок, и вечерами, утрами, ночами — в ресторанах, где ужинали, в гостинице...

Нравы в группе царили свободные. Киношники чем-то напоминали Диме студентов-третьекурсников, впервые вырвавшихся к кому-то на дачу без надзора родителей: выпивка, проказы, шуры-муры.

Однако о личных секретах («Актриса Волочковская провела ночь с режиссером Прокопенко!») Полуянов писать не собирался — все ж таки он не в бульварной газете трудится, а в качественных «Молвестях». А главное, было бы крайне неловко, злоупотреби он гостеприимством киношников и начни прилюдно ворошить их грязное белье. К тому же Дима сам в конце концов оказался не без греха, поддался царившему среди киношников промискуитету...

Да, еще вчера вечером о постельных тайнах киноэкспедиции Полуянов писать не хотел, но вот сейчас, после того как произошло убийство... когда зарезали главного человека на картине — режиссера-постановщика... Теперь многие сценки и картинки, подмеченные журналистом в процессе натуральных съемок, представали перед ним в новом ракурсе, требовали анализа и переосмысления... Ведь ему как репортеру будет грош цена, если он ограничится голой информашкой о происшествии и не выскажет собственных, аргументированных версий: кто убил и почему.

* * *

Прокопенко лежал, расплостертый, на широоченной нижней полке, и его обнаженная грудь была залита кровью. Красным пропитались и крахмальные простыни. По одному виду Вадима Дмитриевича, по его восковому лицу сразу становилось понятно, что медицинская помощь ему уже не нужна.

Дима отвернулся и наткнулся взглядом на проводницу — холеную даму, отчаянно борющуюся со своими пятьюдесятью годами. И лишь теперь по ее взорам, с практически одинаковой жадностью устремленным и на труп, и на обнаженный торс журналиста, он вспомнил, что так и не успел одеться. Когда в дверь его купе застучала, заорала, заголосила звезда Волочковская, он выбежал, только джинсы успев натянуть.

— Надо остановить поезд, — проговорил журналист, обращаясь к проводнице. — Вызвать врачей, милицию.

Та решительно покачала головой.

— Нет, невозможно, — категорически молвила она. — У нас приказ: не останавливаться, что бы ни случилось.

— Даже убийство? Ведь это форс-мажор. Положено тормознуть на первой же станции и вызвать следственную группу.

— Но не для нас. Вы знаете, кто здесь едет?

— Ну я еду. И другие артисты.

— Не только, — не приняла полушутливого тона проводница. — В других вагонах — двое вице-губернаторов, четверо депутатов Госдумы, трое сенаторов. У нас элитный поезд, понимаете? Остановки запрещены... Я сообщу начальнику поезда — в Москве нас будут встречать следственные органы.

— Тогда надо организовать охрану места преступления.

— Не волнуйтесь. Организуем. У нас есть инструкции для подобных случаев. Покиньте помещение.

За спинами проводницы и Димы стояли, вытягивали шеи, пытались заглянуть в режиссерское купе двое других представителей высшей касты снимающегося фильма: главный оператор Аркадий Старообрядцев и линейный продюсер Елисей Ковтун.